

Остров, или, Оправдание бессмысленных путешествий
Василий Голованов

Вчера утром пошел на Печору, к порту, где заметил еще в день приезда старый дом. Почерневший, большой дом, с окнами, выходившими когда-то прямо на реку, но теперь уставленными в длинный забор портового склада. Мне интересно стало – есть ли кто? И непонятно. На крыше взялся расти мох и ромашки. Огородик не возделан, и только крошечная грядка с выпустившимися зонтиками укропа говорила о том, что в доме все же кто-то живёт, доживает. И тут как раз в пристроечке отворилась низкая дверка и из неё выглянула сухонькая старушка в белом платке. Я её позвал, слово за слово – пригласила в дом, угостила чаем с морошковым вареньем, покормила сёмгой.

Стала рассказывать.

Про то, как давным-давно Печора разлилась как моря, и она, со своим еще дедом, изумленная огромностью водного зеркала, плыла, будто летела, над лугами, над покосами, над зарослями прибрежных кустов... «Дедушко, где берег-то?» Не было берега, только лодка скользит в прозрачной голубизне, дедка и внучка сидят в лодке...

Про мужа своего, что взял её из деревни в город. Кажется, она и не задумывалась вовсе, хорошо они жили или худо, счастливо или нет. Просто жизнь была трудная, и они вместе преодолевали эту трудность, будто выгребали против течения. А поразительно стало ей, когда его не стало. И когда она поняла, что не было любимее, надежнее, роднее человека на свете...

Он на работу уходил на трое суток: бакены ставили и проверяли на реке створы. Однажды собрался на вахту. Взял собранный женой мешок с едой. Попрощался. Вышел. Всё как всегда. Но едва он дверь затворил, её будто ожгло: тоска. Тоска по счастью, которого никогда больше не будет. Бросилась за мужем в портовую контору – нет его. На причал – нет. Судно ушло уже на Печору. А через три дня принесли его домой мертвого. Он незадолго как-то на голову пожаловался: что давит, болит. А так не жаловался никогда ни на что...

Подбила, навсегда сделала её слабой на сердце смерть четырнадцатилетнего сына, которого она очень ждала, и любила, пока рос, особенно, может быть, потому, что он в мать пошел худеньким, тонкокостным. И вот, он покупался в Печоре, продрог, пока обсыхал с ребятами у костра, стал кашлять. И не могла вылечить, потому что ходила на работу, не могла ухаживать, только таблетки давала – и всё. Когда забрали его в больницу, выяснилось воспаление лёгких, и стал он хужеть неделя от недели – потому что мальчик большой, положили во взрослую палату, а там мужики курят всё время, ему невоготу. «Мне что-то плохо здесь стало, мама...»

– А потом карантин у них стал: привезли двух мужиков, с брюшным ли тифом, что ли, с Коткина. Я к главврачу пошла, чтоб забрать его, сколько лежит, а всё его не вылечивают, а тут еще этот тиф... «Отдайте мне», – говорю... «Нет, – отвечает, – он тяжелый, мы не можем таких отправлять, такие отеки большие стали...»

Я смотрю: живот у него поднялся, всё... Спрашиваю: «Дак он что, умрёт сейчас?»

Умер. Месяц я не спала. На семь килограммов похудала...